

НЕСКОЛЬКО НЕГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ФИГУР

[04.10.2014] // Михаил Медведев

От редакции сайта: 10-19 сентября 2014 года в Санкт-Петербурге прошел XVII Международный фестиваль Earlymusic. В центре внимания организаторов фестиваля – аутентичное исполнение старинной музыки, но традиционно уделяется внимание и другим «сферам аутентичного знания», включая геральдический традиционализм. В ежегодном альманахе фестиваля за 2014 год опубликована статья нашего постоянного автора М.Ю. Медведева, вводящая в тему геральдических животных, прежде всего - чудовищ (См.: XVII Международный фестиваль Earlymusic. 100-летию начала Великой Войны. СПб, 2014. С.34-40). С любезного разрешения художественного руководителя фестиваля А. Решетина мы публикуем этот материал с небольшими дополнениями, предоставленными автором.

* * *

Михаил Медведев

НЕСКОЛЬКО НЕГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ФИГУР

*Темнеет день. Слышнее птичий грай.
Со всех сторон шумит дремучий край,
Где залегли зловещие драконы.*

I.

Драконы, химеры и тому подобные существа залегают повсеместно в культурном пространстве, и чудовища – не они, а мы, люди, по причине нашей замечательной склонности забывать, не присматриваться и игнорировать, в разительном контрасте с присущей нам же способностью познания.

Выше: «Тайны естественной истории», миниатюра конца XV века (Paris, Bibliotheque Nationale de France, fr. 22971, f. 15v).

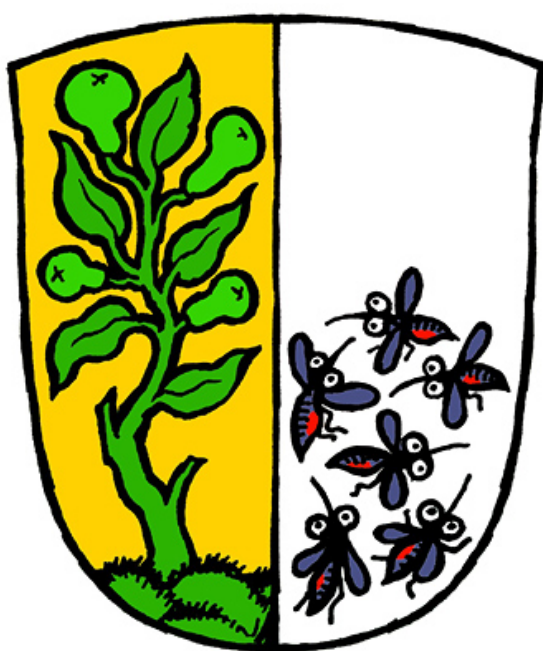
«Суть мщица, глаголемые комары,» – наставительно сообщает нам Софийский список Физиолога(1) – «за кожей [смоковною] живуца во тме, света же не видяще. И глаголюща, яко в велице земли живем. Во тме же суть живуца. Егда же очещут сукамины и излезут, тогда узьрят свет солнечный и лунный и звездный, и глаголют себе: во тме бехом прежде чесания черьничнаго»(2).

(1) Физиолог – анонимный сборник повествований о поучительных свойствах различных живых существ. Его первоначальная версия, созданная в Египте, обычно датируется II веком от Р.Х.; притчи Физиолога имели большой успех у самой широкой аудитории, так что на протяжении последующих веков последовали многочисленные переделки текста (одна из редакций приписывается свт. Василию Великому), а также подражания и попытки развития жанра (начиная со свт. Иринея Лионского). К Физиологу восходит традиция средневековых бестиариев. На Руси имели хождение переводы, восходящие к наиболее ранней редакции. См.: Физиолог. СПб, 2002; приводимые славянские тексты заимствованы из этого издания.

(2) Есть такие мошки, их ещё называют комарами - они живут под кожицей [ягод инжира] в темноте и не видят света, и говорят: «Мы живём в обширной стране». На самом же деле они живут во тьме. Когда же инжир разрезают [для того, чтобы лучше высушить] и они вылезают наружу, тогда они видят сияние солнца, луны и звёзд, и говорят себе: «До того, как стали разрезать плоды, мы были во тьме».

Суть этого повествования очевидна: надо переступить через собственную (или навязываемую извне) ограниченность; истина громада, красота реальна; и мы нуждаемся в помощи, наставничестве – в тех, кто «очещут сукамины». Вообще говоря, эта притча выражает суть аутентизма, и очень кстати в ней присутствуют комары. Трогательно воспетый Вергилием и ансамблем Дм. Покровского, то ли воин, то ли певец, комар оказывается для нас вполне достойным проводником в мир одушевлённых знаков – разнообразных геральдических и символических тварей.

В отличие от благородных, но банальных львов и орлов, комары – геральдическая редкость (и тем легче составить с ними знакомство). Их появление в гербе всегда объясняется *гласностью* – для геральдиста этот термин означает созвучие названия фигуры и имени владельца герба. Даже если напрашивается гласный герб, гнусу может не найтись в нём места: например, граф Василий Комаровский (из строк которого я заимствовал эпиграф) имел в гербе пчелу, хотя мы-то с вами понимаем, кто имелся в виду изначально.

Выше:

слева – герб дворян Комаровых, жалованный Павлом I, и в щите – «несколько рассеянных комаров» (см. также ОГ, I, 126);

справа – герб графов Комаровских, оригинал (ОГ, VII, 132).

Равно и никаким особенным символическим содержанием комар не наделён; случайное появление его имени в переводах Физиолога(3) могло бы сослужить добрую службу комару как персонажу аллегорий; но причудливый рассказ, поселяющий кровососов под шкурками смокв, оказался слишком далёк от повседневно наблюдаемой реальности.

(3) В действительности речь идёт о фигиридах-орехотворках, условно отождествлённых с мошкой/гнувом.

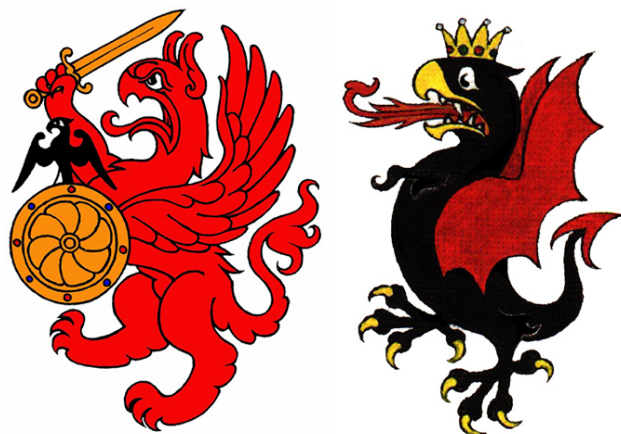
Иное дело – лев, пантера, дракон или единорог; эти существа были наблюдаемы обитателями средневековой Европе куда реже, чем смоквы и тем более – комары. Повседневность не заслоняла их, и они могли с полным успехом выступать «живыми знаками».

II.

В гербоведческих трактатах и справочниках нового времени все фигуры разделены на несколько групп. Есть собственно *геральдические* фигуры: разнообразные полосы, углы и тому подобные простейшие формы – это «абстрактное искусство» внутри геральдики. Прочие фигуры именуются *негеральдическими* (в смысле – «не только геральдическими»; именно этот термин вынесен в заголовок). Такие фигуры обозначают – иногда с большой долей графической условности – всяческие объекты и явления. В свою очередь негеральдические фигуры подразделены в большинстве справочников на *естественные* (солнце, гора, лев, лилия...), *искусственные* (меч, мост и так далее) и, наконец, *фантастические*(4). Эта последняя категория служит прибежищем для драконов, «морских дев», химер и тому подобных созданий.

(4) Иногда эти фигуры оказываются определены как «сверхъестественные». В эту категорию попадают, например, ангелы. Разумеется, есть и авторы, спокойно относящие ангелов (а также Св. Духа *в виде голубине* и т.д.) к категории фантастических существ.

Разумеется, трудно представить себе более явный отход от аутентизма в геральдике, чем выделение фантастических, вымышленных существ в особое гетто. Геральдика сложилась и процвела в те годы, когда, к примеру, волк и дракон считались и равно потусторонними, и равно реальными тварями. Лев – или, скажем, грифон – был известен как гроза далёких стран и вместе с тем как условность, вместилище смыслов, ходячий (а в случае с грифоном ещё и летучий) символ. В первом качестве львы и грифоны были доступны путешественникам (а путешественники – им); во втором – так и не прирученные, но почти безопасные чудовища представляли перед читателями книг или оказывались запечатлены художниками.

Выше: слева – червлёный грифон, главная фигура герба дома Романовых. В отличие от обычных гербовых грифонов, имеющих передние лапы, подобные орлиным, российские грифоны чаще всего бывают подобны льву и в этой своей части – в этом они подражают античным изображениям; справа – в гербе царства Казанского дракон, но необычный: с клювом, как у василиска.

Порой в гербах появляются откровенно вымышленные животные – например, размахивающий лапами полуорёл-полуорёл, служащий родовым символом старинного датского рода Ульфельдтов, или же полуорёл-полулев с двумя головами и двумя хвостами в гербе Славкова-у-Брна (этот город более известен в России под своим немецким именем – Аустерлиц). Можно ещё гадать, не вырос ли мотив ульфельдтского герба из фольклорных глубин, но не вызывает сомнений, что аустерлицкое чудище вполне сознательно и «кабинетно» сооружено из двух разных гербовых орлов (Священной Римской Империи и княжества Моравии) и двуххвостого льва Чехии.

Выше: слева – герб Ульфельдтов; справа – герб Славкова-у-Брна на фасаде школьного здания (улица Малиновского, 280).

В английских ренессансных гербах встречаются диковинные твари – апр, камело-пардель, борейн, пантеон и им подобные, явно изобретённые гораздыми на выдумку королевскими герольдами, которым, по-видимому, было скучно довольствоваться уже известными монстрами; хотелось завести своих.

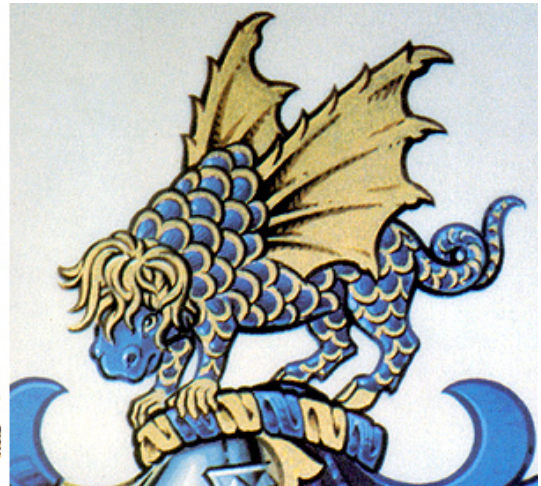
Но все эти искусственно выведенные существа слишком подобны по своей предполагаемой биологии другим, в реальности которых не было нужды сомневаться: точно так же и русалка (тварь, хорошо известная морякам) получалась из девы и рыбы, дельфин – из рыбы и небольшого хобота (или же увесистого рыла), грифон – из орла и льва⁽⁵⁾. Общая типология, не всегда ясная граница: нет, никак не получается отделить мнимых геральдических тварей от немнимых. И в самом деле: герб с комаром требует бóльшего воображения, нежели герб с двуглавым орлом; кто же из них – фантастический персонаж?

⁽⁵⁾ Только уши у грифона – собственные, остроконечные.

Кроме того, можно ли их считать естественными - всех этих геральдических львов, то и дело потрясающих мечами (или иной военной и мирной утварью), дельфинов с жабрами (такова традиция) или, например, зайцев, играющих на волынках? Это всего лишь зайцы; но и их действия, и всё пространство, в котором они существуют - совершенно условны.

Выше – борейн: геральдическое животное, известное лишь по одному английскому примеру XV столетия; *ниже слева* – катовлеф (он же катоблеп; catoblepas): монстр, давно известный по трактатам, но лишь недавно попавший в геральдику; *справа* – катовлеф с "ловкими перстами" и копытами как нашлемник родового герба Уордов (Ward; английское пожалование, опубликовано в: Н. Bedingfeld, P. Gwynn-Jones. Heraldry. Lnd, 1993).

III.

Лев – царь зверей, орёл – царь птиц, но, как и в артуровском цикле, самым захватывающим героем оказывается не самодержец. Любопытно, что самыми могучими и стойкими существами в геральдическом бестиарии оказались не хищники, а копытные и травоядные животные.

Репутация зверя, совершенно неодолимого в борьбе, принадлежит единорогу.

То ли прототипом единорогов античной и ближневосточной мифологии является носорог, то ли единорог – изначально вымышленный зверь; так или иначе, ранние предания о нём сообщают об исключительной силе (таким его представляют греческий, латинский и славянский переводы Св. Писания; в еврейском оригинале значит загадочный зверь *реэм*), о ловкости, свободолюбии и неуловимости, а порой – о мужской агрессивности: на рубеже II и III веков Клавдий Элиан повествовал о патологически ревнивых и драчливых единорогих тварях из Индии. Возможно, единственный рог вызывал фаллические ассоциации.

По свидетельству Плиния, единорог имеет тело, как у коня, оленью голову, ноги, подобные слоновьим, и хвост вепря.

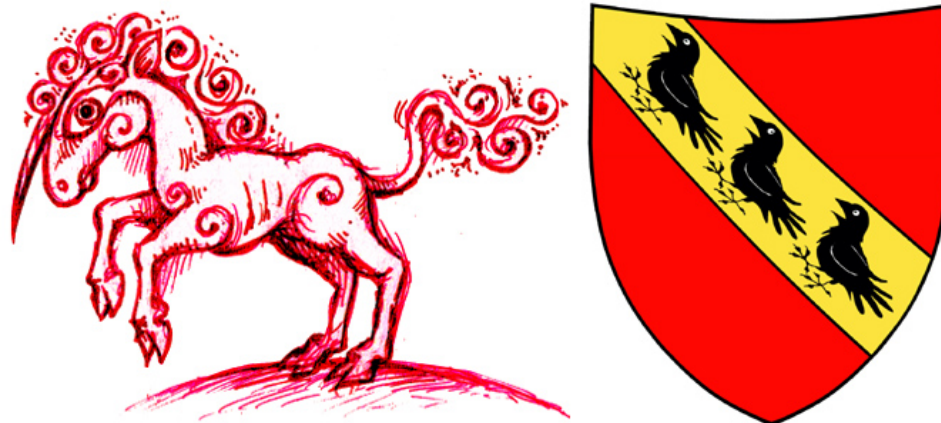
Неизвестный египтянин, автор Физиолога, полностью переосмыслил рассказы о единороге – мужественный зверь воплотил идею почтения к девству. Рассказ о свойствах зверя довольно курьёзен: «Мал живото и есть подобен козляти, кроток же зело. Не

может приблизиться к нему ловец, зане силен есть... То тако убо ловят и. Девицу чисту повергнут пред ним, и приползнет к пазусе девичи к персем и съсет и. И ведет его девица в полату»(6).

(6) Небольшое животное, вроде молодого козла, он очень кроток. Охотник не может подступиться к нему из-за его силы... Ловят его так: перед ним кладут девственницу; он припадает к разрезу её одежды, к её груди, и сосёт. И девица отводит его во дворец (здесь подразумевается, что единорог слишком хорош для еды или продажи; это – редкостный дар, достойный царя).

Но, как всегда в Физиологе, сам зверь – лишь предлог, и его свойства не требуют правдоподобных очертаний. Далее следует пояснение, придающее смысл всему рассказу: единорог прообразует смиренное воплощение всемогущего Бога и рождение Иисуса от Девы.

Отсюда, через учёные труды и нравоучительные писания, ведут свой род средневековые единороги. Они бывают и малы, и велики – так, что сражаются со слонами. Они не просто сильны – они грозны и свирепы, по крайней мере с охотниками и прочими врагами; единорожья кротость касается лишь девы. В неволе единорог нуждается в постоянном попечении девы – иначе он хиреет и умирает. Даже после смерти единорог противостоит злу: при помощи его рога можно отличить безвредную пищу от отравленной.

Выше: слева – единорог; справа – герб венецианского семейства Поло. Самый знаменитый его представитель, Марко, сетовал, что единороги оказались совсем не такими, как о них думают; в руки девушкам эти грубые твари не дадутся ни за что. Дело в том, что на Суматре Марко Поло видел носорогов. В фамильном гербе путешественника – три кричащие галки (role): гласные фигуры – ничего фантастического.

Привозимый издалека бивень нарвала, завитый по спирали, считался рогом единорога, так что люди не понаслышке знали, как выглядит оружие самого непобедимого зверя. Витой рог и подсказанное Плинием конское тело в соединении с козьими чертами (космы шерсти, борода, хвост с кисточкой и парные копыта) определили облик типичного средневекового единорога. Впрочем, со временем хвост вытянулся и стал скорее похожим на ту же часть тела геральдического льва.

На востоке Европы – в Польше, на Украине, а затем и в России – облик единорога чаще всего был более простым; он оставался парнокопытным, однако в остальном, кроме рога, был подобен коню; это особенно заметно по хвосту. В российских гербах преобладает именно такой тип единорога, но встречается и обычный, с львиным хвостом.

IV.

Самые сильные из геральдических копытных монстров составляют достойную кампанию единорогу. Все они пришли в геральдику из бестиариев.

Ял так свиреп, что его обычно – ради визуализации темперамента – изображают с клыками, торчащими из пасти. Он замечателен своими огромными подвижными рогами: не сходя с места и даже не двигая головой, он может наносить ими сокрушительные удары.

В бестиариях ял, вслед за Плинием, описывается как зверь с чёрной шкурой; но уже иллюстрации к тексту нередко придавали ему другую окраску. В геральдике же цвет животного может быть произвольным, не связанным с природой – поэтому с лёгкой руки английских герольдов большая часть гербовых ялов имеет пятнистую, иногда – многоцветную, шкуру.

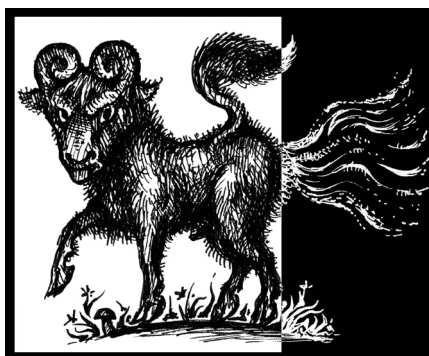

Выше: голова яла; ниже слева – голова геральдической антилопы; справа – силуэт яла.

С клыками часто изображают и условную гербовую антилопу. Её зазубренные рога, как пилы, рассекают ветви на её пути; точно так же достаётся и охотникам. Из бестиариев мы знаем, что антилопы (своего рода единороги наоборот) бывают уязвимы, когда пьют из Евфрата, и их рога увязают в тягучих прибрежных кустах; мораль этой аллегории – служите своему телу с осторожностью, там подстерегают вязкие пороки. Но в гербах антилопы обходятся без воды и предстают в полноте своих сил.

Ещё один могучий зверь (встречающийся в геральдике более чем редко, но хорошо известный по бестиариям) – бонакон. Подобный могучему быку, бонакон при этом не способен бодаться: его закрученные спиральями рога сильнее всего ударяют ему в собственный лоб. Поэтому при нападении охотников зверю, несмотря на всю его силу, приходится спасаться бегством. Впрочем, у бонакона есть особое оружие: если охотники настигают его, он обращает к ним зад и испражняется с такой силой, что всё позади него вспыхивает огнём. Это – аллегория покаяния. Бонакон являет собой вполне убедительный образ сильной природы, которая обессилена рефлексией и должна расстаться со своими скорбями и тревогами.

Выше – бонакон.

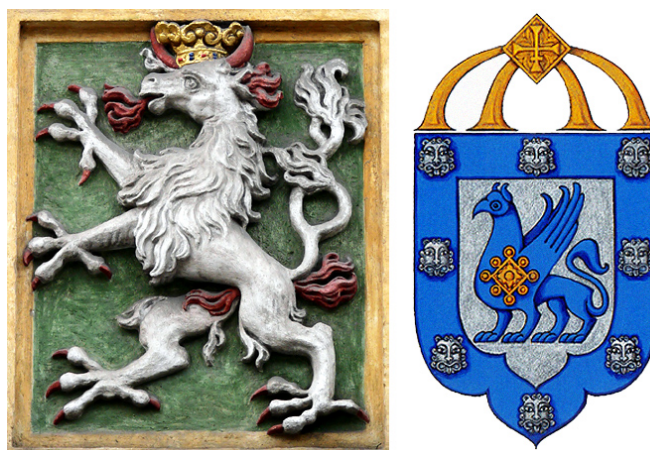
V.

Пантера – возможно, самый удивительный из геральдических зверей. В Физиологе античный рассказ о мускусном запахе барса оказался превращён в феерическую картину шествия лесных зверей к пантере, чьё неодолимо сладостное благоухание притягательно для всех, кроме пакостного змея. Сама пантера из хищника обратилась в бескорыстного благодетеля и примирителя всех живых тварей, поведение которого возводит мысль ко Христу. Пятнистая шкура пантеры оказалась понята как великолепно-многоцветная: «пестр же есть, яко и риза Осифови, и [пре]красен»(7). В самом имени пантеры авторы бестиариев услышали греческое «пан» как указание на покровительственную связь пантеры со всеми существами. При этом в иллюстрациях к бестиариям пантера обычно сохраняла сходство с кошачьими или по крайней мере выглядела как хищный зверь.

(7) Он (зверь-пантера) пёстр, подобно одеянию Иосифа [Прекрасного], и [так же] прекрасен.

Геральдическая же пантера, поначалу в гербах нескольких германских аристократических семейств, а затем и более широко – в Германии и за её пределами, приобрела совершенно иной вид.

Связь пантеры со всеми животными стала зримой: за основу был взят лев (как царь зверей и, возможно, как представитель кошачьих), но передние лапы оказались позаимствованы у другого царственного животного – у орла, тогда как продолговатые шея и голова (за исключением хищной пасти) напоминали, по всей видимости, о травоядном и тяжело трудящемся коне. Задача изображения запаха была решена с гениальной прямоотой – его представили в виде языков пламени, выходящих из всех телесных отверстий пантеры (часто – включая уши, зад и фаллос). Впрочем, для христологической полноты, охватывающей всех спасаемых донизу, этого было не вполне достаточно; и потому на средневековых изображениях пантера от случая к случаю дополнялась то бычьими рогами (бык – более «рабочий» и менее «благородный», чем конь), то длинными заячьими ушами и даже характерным мягким завершением морды. По-видимому, этой чести заяц удостоился как типичный объект травли, кроткий и страдающий.

Выше: слева – коронованная пантера в гербе города Граца на фасаде грацского цейхауза (улица Херренгассе, 16); *справа* – приходской герб соборного храма Феодоровской иконы Божией Матери (Санкт-Петербург): главная фигура – грифон, львиные головы в кайме именуются «леопардовыми».

В итальянской геральдике такая пантера иногда именуется не «по имени», а по эпитету, заменяющему существительное – *la dolce*, сладостная.

В британской геральдике пантера не утратила кошачьих черт, но приобрела пламя, выходящее из рта и ушей. Пятнистая шкура пантеры была представлена, в согласии с Физиологом, многоцветной – пятна получили разную расцветку.

Барс и леопард, биологически отождествляемые с пантерой, в геральдике существуют отдельно от неё. Барсом обычно именуют, для отличия от прекрасно-чудовищной *la dolce*, достоверно изображённое животное. Впрочем, и здесь подстерегают разнообразные геральдические хитрости. В гербе Пскова – барс, но его хвост кончается кистью, как львиный; это - ошибка художника XVIII века, со временем превратившаяся из случайности в бережно сохраняемую особенность.

Что касается леопарда – в геральдике это не отдельное животное, а всего лишь специальный термин для обозначения льва с головой, изображенной анфас. Таковы, например, львы в гербах Эстонии и Англии. Но сами англичане в наши дни называют своих львов не леопардами, а «львами настороже». Дело в том, что в пору Столетней войны французы насмеялись над англичанами, придираясь к гербоведческому термину – у их короля в гербе не настоящий царь зверей, а совсем другой зверь, нечистый, запятанный, да к тому же и худородный ублюдок (леопарда, как и явствует из его имени, считали помесью льва и гепарда). Англичане не растерялись и поменяли термин; сохранили лицо, что оказалось важнее, чем сохранить Францию.

VI.

Лес - пространство непобеждённой природы и место обитания множества чудовищ; и это также пространство невинности, безопасное, по крайней мере в сравнении с «посюсторонней» реальностью. Завершающее рондо из «Галантных Индий» Рамо доносит до нас именно этот образ:

*«О, мирны чащи,
Сердца не знают в сих обманного огня:
К любви вящей
Они готовы, но дары судьбы храня».*

Таковы же и геральдические чудовища: сколько угодно воображаемого, но ничего обманного.

Слева – герб польского барона Стефана Лясовского (Лесовского).

* * *

На заставке к публикации: катовлеф с цветком лилии.

Все рисунки, источник которых не указан, выполнены автором статьи.